

УДК 343.2/7

А.И. Бойко

ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Политика правящих элит, прежде олицетворявшая большей частью неявное соперничество общесоциальных, коллективных и личных интересов, сегодня попала в эпицентр открытого обсуждения различных групп населения, прежде не втянутых в оценивание управленческих проблем. Объясняется этот бум геополитическими изменениями, ростом видов и технических возможностей СМИ, увеличением доли свободного времени в суточном рационе обывателей, развитием транспортных коммуникаций, миграционной активностью жителей Земли. Ныне практически каждый гражданин независимо от места жительства имеет техническую возможность получать разнообразную информацию, сравнивать условия собственной жизни со стандартами быта в соседних странах, входить в Интернет-переписку, восполнять и уточнять личные представления о справедливости установившихся порядков управления, о расходовании бюджета, стратегиях развития местной территории и всей страны. Политика органически вплетена в общественную и индивидуальную жизнедеятельность, в результате чего каждый человек стал носителем политического сознания [18].

Самостоятельным и очень ярким разделом управленческой практики является уголовная политика. Особую притягательность ей обеспечивают сразу несколько факторов – принудительный уклон исполнения, статус “последнего довода” или “хирургического скальпеля” во взаимоотношениях государства с населением, постоянная роль излюбленного объекта правозащитной критики. Содержательно и очень кратко она может быть определена как совокупность идей и решений по борьбе с преступностью, согласованная с более широкими социальными задачами и программами. Главное в понимании уголовной политики таково: а) объектом своего воздействия она имеет преступность; б) генеральный субъект её разработки и осуществления – правящая элита; в) процесс воздействия субъекта на объект выражается в управлении, (противодействии или борьбе); г) даже при очень больших объёмах делинквентного поведения уголовная политика – не самоцель и отнюдь не главная проблема элиты, поскольку и преступность, и противодействие ей предопределяются более важными задачами современного общества – состоянием экономики, устойчивостью социальной структуры, взаимоотношением власти и народа, демографией, экологией, международными обязательствами и пр.; д) нормативно она актуализируется в профильном законодательстве (уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном) и других специализированных источниках. В СССР таковыми были Программа партии и систематически принимаемые совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров; в современной России – Концепция национальной безопасности РФ, утверждённая Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 года [20, ст. 170].

Феномен уголовной политики давно и плодотворно разрабатывается в науке. Накопившиеся в ней представления актуализированы в целом комплексе взаимосвязанных характеристик и терминов, а именно: сущностью уголовной политики признаётся управление развитием криминальных процессов; целью – минимизация показателей преступности в социально ожидаемых пределах; формами уголовной политики являются законодательство, правоохранительная деятельность и судопроизводство; её структура соответствует сложившейся дифференциации нормативного материала на отрасли – уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, пенитенциарная, административно-деликтная, оперативно-розыскная политика; под направлениями или каналами уголовной политики разумеют (мысленные) идеи и (практические) решения; наконец, в доктрине принято рассуждать о принципах уголовной политики, возвышенно толкуемых как аксиологическая ориентация властей в сфере борьбы с преступностью [7, с. 40-49; 8, с. 65-77; 9, с. 142].

Мы полагаем, что прекраснодушный разговор о принципах уголовной политики (как и любой политики вообще), даже если он сопрягается с употреблением высоких гуманных идеалов и терминов, несостоятелен в силу особенностей политики. Она ведь – искусство компромисса, постоянно возобновляемых сделок между действительностью и возможностью, необходимостью и желанием, добром и пользой, целесообразностью и законностью; она – самая подвижная и эластичная методика управления социумом. Принципы же есть неподвижное “основание системы”, постоянное “центральное понятие” [13, с. 329]. Отсюда те аксиологические по преимуществу положения, которые изобретаются в науке и выдаются за принципы управленческой деятельности правящей элиты, мы бы предложили именовать скромными (для данного времени) приоритетами борьбы с преступностью, иницируемые моралистами и сциентистами [1, с. 56-65]. Кажется, ближе всех к пониманию того, что в уголовной политике оперативность и компромисс преобладают над консерватизмом и принципами, подошёл проф. И.В. Шмаров. В энциклопедической статье он утверждал, что принципы уголовной политики, конечно, должны быть стабильными, но это направление государственной деятельности наиболее подвержено колебаниям и даже крайностям [12, с. 2966].

Тематика статьи и ход предыдущий рассуждений свидетельствуют, во-первых, о неразрывной связи уголовной политики и уголовного закона, а во-вторых, о том, что (парламентский) закон есть (письменная) форма выражения политики (правящей элиты). Юристам советской эпохи памятливы высказывания идеологических кумиров и государственных вождей той поры, Ф. Энгельса (“всё юридическое в основе имеет политическую природу”) [8, с. 635] и В.И. Ленина (“закон есть мера политическая, есть политика”) [12, с. 99], а также А.Я. Вышинского (“право есть форма политики, то есть форма деятельности государства”) [4, с.51]. Эти представления в частично модифицированной форме преобладают и поныне: если политика – это правообразующий фактор, то закон – её официоз, средство её выражения, опосредования и осуществления (Ю.А. Агешин, С.С. Босхолов, В.А. Владимиров, П.С. Дагель,

А.Л. Дзигарь, И.Э. Звечаровский, М.И. Ковалёв, Ю.И. Ляпунов, Ю.А. Ляхов, С.Г. Чаадаев).

В научной литературе встречаются и такие прямые противопоставления (уголовной) политики и права (закона), когда последнее (статичное и гласное) средство управления рассматривается как более надёжное для общества. Так, Ф. Лист писал: “Уголовное уложение есть “*magna charta*” преступника. Оно протезирует не общество, не правопорядок, а ту личность, которая восстала против них..., есть щит гражданина, которым он прикрывает себя от нападения государства... уголовное право есть по отношению к политике непроходимый барьер” [14, с. 128]. В наше время Г.К. Мишин также находит уголовную политику злом, навязавшим классическому и потому непорочному уголовному праву компромисс, нарушивший его (уголовного права и закона) гарантийные устои типа геометрии, системы и логики [17, с. 6].

Надо сказать, что проблема сочетания политики и права наиболее выпукло напоминает о себе в эпохи социальных трансформаций. В такие времена закон или “царство спокойного” (Гегель) призывается к беспрекословному, в нарушение своих прежних принципов, обслуживанию беспокойного, нечистоплотного, а часто и аморфного начала (идеологических установок нарождающейся элиты). Хорошо это или плохо? Ещё древнеримские юристы экзаменовались по данному вопросу и оставили потомкам следующий завет: *politiae legibus, non leges politus adaptande* (политика должна согласовываться с законом, а не закон с политикой). Эта максима античного права ненавидима любой рвущейся к власти элитой, а потому отчаянно обругивается накануне реформ. Так, правда, продолжается недолго – до закрепления основной имущественной массы и средств производства за новыми владельцами, до кодификации законодательства в “нужном” направлении и смены старых руководящих кадров на более “лояльных” и “гибких”. Одновременно следует помнить, что формальная законность, составляющая досадное препятствие своеволию политико-экономических хозяев страны, есть базовый компонент профессиональной деятельности юриста. Правовед поэтому (по традиции) настороженно относится к разговорам о сравнительной выгоде политической целесообразности перед юридическим формализмом. В то же время опасна и другая крайность – отрицание ценности политики как тонкого метода управления обществом, как гибкого системообразующего фактора, как передаточного звена от социально-экономических потребностей к законодательным жерновам, как инициатора перемен в жизни и в праве, как умелого подсказчика при толковании юристами нормативных текстов.

Отсюда политика и право – это два, давно проверенных временем и надёжных способа управления легалистским обществом. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки, но в случае их умного союза получается благо: политика – динамичное, большею частью тайное средство – дополняется юриспруденцией, которая традиционно ставит на формализм, а не на моментальную целесообразность, предпочитает гласные, медленно меняющиеся и объявляемые всем стандарты поведения. Сегодня маятник общественного мнения зримо качнулся

в сторону и пользу политики. Этот временный дисбаланс опасен, но и привычен для нашего национального духа, благоволяющего к революционным качелям и риску, но не к спокойному и честному исполнению каждым своих обязанностей на своем рабочем месте.

Правящая элита организует отражение общественных потребностей по борьбе с преступностью в Уголовном кодексе по своему усмотрению и в своих, прежде всего, интересах. Так, криминализация и пенализация общественно опасных деяний должна производиться с учётом показателей преступности, доктринальных рецептов, требований практики, международных стандартов. Однако криминалисты России практически по каждому из этих направлений упрекают власти в неполноте, односторонности, корысти. Вот примеры.

1. Показатели преступности как основного предмета отражения уголовного закона давно перестали быть главной детерминантой: например, коэффициент преступности по самым распространённым общеуголовным деликтам вырос в 1995 г. по сравнению с 1959 г. в 6,3 раза, однако медианы соответствующих санкций увеличились по УК РФ 1996 г. в сравнении с УК РСФСР 1960 г. только в 0,99 раза [2, с. 10-16].

2. Академик В.Н. Кудрявцев ещё на старте приватизации предвидел её негативные последствия, рекомендуя специалистам уголовного права и криминологии, а также законодателю сосредоточить внимание на воровском поведении “новых русских” и юридической судьбе быстро формирующегося слоя люмпенов [10, с. 8]. Однако в Общей части нового УК упразднён запрет на замену штрафа и лишения свободы, а в Особенной части данные наказания как специально поставлены в альтернативу – для выбора судом различных по карательных силе средств в зависимости от имущественной состоятельности преступника. Нет мощны – так есть спина.

3. Виднейшие криминалисты нынешней России постоянно сетуют на то, что их тщательно выверенные рекомендации по борьбе с преступностью игнорируются властью, что “законопроектная роль науки уголовного права резко сократилась”, поскольку чиновники Государственно-правового управления подбирают консультантов и экспертов “по идеолого-концептуальным критериям”, а не по профессиональным знаниям [11, с. 319].

Зачем эта статья и почему избран такой тон? Дело в том, что сфера борьбы с преступностью бесспорно является самым болезненным сектором общественной жизни, где на опасный поведенческий эгоизм индивидов государство отвечает организованным насилием, где несовершенное законодательство, некачественная правоохранительная деятельность, банальные просчёты и корысть правящей элиты оставляют долго не заживающие раны на теле и в памяти населения. Храни Бог российских да украинских потерпевших и преступников от политиканства правящей элиты в правоохранительной сфере!

Литература

1. Бойко А.И. Принципиальна ли уголовная политика? // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 2. – С. 56-65; Уголовная политика: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Рост. гос. экон. ун-т “РИНХ”, 2008. – С. 55-58.

2. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Том II: Системная среда уголовного права. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 10-16.
3. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты – М.: “ЮрИнфоР”, 1999. – С. 34-38.
4. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой науки. – М., 1937. – С. 51.
5. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). – М.: Юрид. литература, 1970. – С. 181-182.
6. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики: Учебное пособие. – Владивосток: ДВГУ, 1982. – С. 30-38.
7. Дзигарь А.Л. Уголовная политика и её отражение в теории, законодательстве и практике. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. – С. 40-49.
8. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел: Учебное пособие. – М.: ВШ МВД СССР, 1979. – С. 65-77.
9. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью). – Баку: Элм, 1990. – С. 142.
10. Кудрявцев В.Н. Актуальные проблемы уголовной политики // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – М.: ИГП РАН, 1994. – С. 8.
11. Кузнецова Н.Ф. Конституционные основы совершенствования УК РФ по итогам его десятилетия // Конституционные основы уголовного права. – М.: ТК Велби, 2006. – С. 319.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. – С. 99.
13. Лесников Г.Ю. Понятие уголовной политики, её содержание и принципы // Энциклопедия уголовного права. Том 1. – СПб., 2005. – С. 6-7.
14. Лист Ф. Задачи уголовной политики. СПб., 1895. – С. 128.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. – С. 635.
16. Михеев Р.И. Уголовная политика Российской Федерации. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1996. – С. 8.
17. Мишин Г.К. Теория правового государства и вопросы уголовного права. – М.: Академия МВД России, 1995. – С. 6.
18. Рыбаков О.Ю. Человек в политике. – Саратов, 1995.
19. Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 170.
20. Уголовная политика // Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. – М.: 1999. – С. 2966.
21. Шляпочников А.С. Ленинские принципы уголовной политики Советского государства // Сов. государство и право. – 1968. – № 4. – С. 12-21.
22. Философский словарь. Издание 3-е / Под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1975. – С. 329.

Анотація

Бойко А.І. Проблеми синтезу кримінальної політики та кримінального закону. – Стаття.

У разі розумного союзу кримінальної політики і кримінального закону виходить благо: політика – динамічний засіб – доповнюється юриспруденцією, яка є формальним, гласним, повільно мінливим стандартом поведінки. Тематика статті свідчить, по-перше, про нерозривний зв'язок кримінальної політики і кримінального закону, а по-друге, про те, що (парламентський) закон є (письмова) форма вираження політики (правлячої еліти).

Ключові слова: політика, юриспруденція, кримінальний закон

Summary

Boyko A.I. Problems of synthesis of criminal policy and criminal law. – Article.

In case of reasonable union of criminal law and policy great gain is to be archived: policy, a dynamic category, is complemented by jurisprudence: formal and gradually changing behavior standard. Article's theme testifies about constant connection between criminal law and policy, proving that a written law is reflection of certain policy.

Key words: policy, jurisprudence, criminal law